

НОВОСТИ

ЭСКАЛАТОРЫ ДЛЯ «ТРУБНОЙ»

В конце предыдущей недели СМУ–4 завезло на пусковую станцию «Трубная» ступени и цепи для всех четырех эскалаторов пересадки на «Цветной бульвар». Их секции установлены в малом наклонном ходе.

По состоянию на 18 июня, для большого наклона «Трубной» еще недопоставлено 6 эскалаторных зон, в том числе 2 — приводные.

ПРИСТУПАЮТ К СОПРЯЖЕНИЮ ТОННЕЛЕЙ

Душкобинат участка Виктора Попова из ТО–6, ведущего проходку перегона от станции «Крылатское» к точке «D», находится на Осеннем бульваре, причем непосредственно над тупиками Филёвской линии. На этой стройплощадке механизаторы участка Вячеслава Деханова из СМУ–9 начали выемку грунта из промежутка, разделяющего забутку тупиков и стену руддвора, откуда дважды стартовал в сторону Серебряного Бора «Ловат». Теперь ему до сбояки в правом тоннеле остается смонтировать около 360 колец, что меньше месячного задания.

КОЛЬЦА ОТГРУЖАЮТ ПО ГРАФИКУ

Очаковский завод ЖБК, работая в три смены, обеспечивает железобетонной обделкой ТПК «Ловат» и «Херренкнехт», задействованные на разных концах длинного перегона между станциями «Крылатское» и «Строгино». К 18 июня месячный план отгрузки колец был выполнен на 59 процентов. Вся поставка обделки для «Ловата» должна быть завершена 30 июня, для «Херренкнехта» — 18–20 июля.

УСПЕХ «КУДРИНКИ»

Ежегодно 12 июня, в День России, на Поклонной горе проводится праздник газеты «Московская правда». Разнообразная программа этого праздника, но неизменными остаются на протяжении пяти лет концерт ведущих творческих коллективов Дворцов и клубов столицы и конкурс «Семья года».

Все эти годы лауреат международных и Всероссийских конкурсов ансамбль танца «Кудринка» Дворца культуры Метростроя (руководители Ирина и Алексей Сальниковы) — участник праздничного концерта. В этом году «Кудринка» показала два танца: «16 тонн» (степ) и «Московская плясовая». Яркие костюмы, оригинальная режиссура танцевальных номеров, пластичность и профессиональное исполнение участников коллектива получили высокую оценку организаторов праздника и многочисленных зрителей.

Первое место в конкурсе «Семья года» завоевала семья Ивановых. По этому поводу газета «Московская правда» написала 14 июня: «Второй год подряд главный приз Поклонки увозит семья, чьи дети занимаются в фольклорном ансамбле «Росинка» МИД России. Причем этот феномен мы на нашем конкурсе уже наблюдали. В предыдущие годы дважды победу одерживали семьи метростроителей. У них хороший Дворец культуры, и он брал на себя их подготовку».

Напомним, что в 2003 и 2004 годах победителями городского конкурса были семьи Косачевых из СМУ–9 и Ильиных из СМУ–4.

Наступило время монтажа

Фото А. ПОПОВА

В.А. Абашев под сводом распрездзала.

Машинный зал СТП «Трубной» накануне завоза оборудования.

На станционном комплексе «Трубной» всё реже попадают на глаза проходчики СМУ–8, старожилы 941-й шахты, всё больше видны рабочие в фирменных куртках УСР и СМУ–4, а также представители различных субподрядных организаций. Это привычное предпусковое многолюдье. Впрочем, отделочники участка Николая Рекутина давно освоились в среднем зале, на платформе. Ещё раньше они защитили зонтом большой наклон. А на левой путевой стене только названия станции не хватает. С середины весны шахта, соседствующая с Большим Каретным переулком, стала постоянным местом работы и для монтажников участка Виктора Борка. Одна из точек приложения их сил — БТП и СТП, где они взаимодействуют с участком Николая Жидкова из СМУ–15, который на субподряде у СМУ–8 достраивает эту часть большого подземного комплекса.

Выработки под размещение в них БТП и СТП сами по себе смот-

Горные мастера СМУ–4 Е.Я. Нечипорук и С.П. Лёвин.

рятся внушительно. Их общая длина составляет 150 м при диаметре 9,5 м. И теперь, когда реально наступило время монтажа в них сантехнического оборудования, электромеханических устройств и т.п., стоит, наверно, вспомнить непростую историю объекта, вступившего в предпусковой этап.

Заместитель главного инженера СМУ–8 Александр Николаевич Кормушин в середине 90-х годов был на 941-й шахте начальником участка. При нём проходчики сделали из правого путевого тоннеля врезку под БТП, развернулись и продвинулись по трассе на расстояние, позволившее смонтировать блокоукладчик. Но этот механизм не долго был в работе — стройку вскоре заморозили. Лишь через несколько лет финансирование Люблинско-Дмитровской линии восстановилось.

—Укладчик опять двинулся вперёд, — вспоминает Игорь Владими-

НА ПУСКОВОМ ОБЪЕКТЕ

рович Бойков, который заменил ушедшего на повышение Кормушина. — За месяц мы почти стабильно собирали по 16 колец шириной 0,75 м, хотя были проблемы с поставкой тубингов. Зато с геологией везло — мергель, не очень крепкий известняк и лишь немного воды в лотке. В одном месте встретили даже прослойку лечебной голубой глины. Так мы прошли до конца БТП, почти всю СТП. Оставалось 17 колец и тут — новая остановка. Работы на «Трубной» продолжились лишь осенью 2005 года, когда мы вернулись с «Маяковской». Остаток СТП «добили» быстро. Но проектировщики поставили новую задачу — выйти из межтоннельного пространства и сбоку от левого перегона разработать камеру для АТДП длиной на 57 колец. Это дополнение появилось из-за того, что границу пускового комплекса перенесли с «Достоевской» на «Трубную».

И вот остались позади и проходка, растянувшаяся в итоге более чем на десятилетие, и сооружение внутренних конструкций.

Строители занимаются отделкой и доводкой помещений, а счёт времени до пуска пошел на дни.

В просторном, но пока полутёмном, распрездзале СТП 6 июня работала группа сварщиков из СМУ–15. Владимир Александрович Абашев с помощью стремянки добрался до свода. Его задача — обварка швов между листами теплоизоляции. Он же и монтировал эти листы. На «Трубную» Абашева перевели месяца два назад с Орехового бульвара, где находится каркасный участок Сергея Семёновича Шкарина. Сварщик в курсе, что в распрездзале дней через пять начнут завозить оборудование. Значит, к этому моменту он должен довести своё дело до конца. На тот же срок ориентируются и его коллеги — Александр Александрович Зайцев и Роман Викторович Никитин. Они обходятся без лестницы. Им надо легкими сварными рамками зафиксировать в определённом положении пропущенные через пол многочисленные отрезки асбоцементных труб, идущих

А.М. Ермачков, М.С. Ульяхин и А.Ю. Кондрашов монтируют местную вентиляцию на СТП.

Наступило время монтажа

Окончание на стр. 4

сдвоенными рядами вдоль всего распредзала. Это, так называемые, выпуски для будущих кабелей.

В одном из небольших служебных помещений, расположенных на том же уровне, что и распредзал, штукатуры занимались отделкой входного порога, а этажом ниже трудилось звено плиточников. Звеньевой Рахат Гочбакаров рассказал, что вместе со своим напарником Бахтыбаем Пирназаровым приехал в Москву из Ташкента несколько месяцев назад. На родине они в своё время участвовали в строительстве ташкентского метро, теперь вот снова попали на пусковую станцию. К началу июня плиточники успели облицевать здесь 600 квадратных метров различных поверхностей. Осталось ещё 200.

Бригадир Алишер Габбасов тоже из ташкентских метростроителей, но в Москве он давно — с начала 90-х, когда на Люблинской линии сооружалась «Волжская», которая вопреки названию своим дизайном

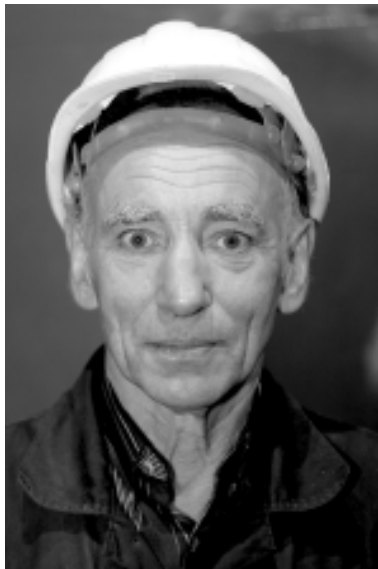
Сварщики СМУ-15 Р.В. Никитин и А.А. Зайцев.

Бригадир СМУ-15 А.Э. Габбасов.

Кадровый электрослесарь-монтажник СМУ-4 С.А. Савин.

Прораб ЦЭМа М.С. Ашитко.

ний Нечипорук, только два года назад окончивший Горный университет. Правда, с Мосметростроем он познакомился раньше, когда проходил практику на строительной Бутовской линии. Но там было все-таки легкое метро, а здесь — классическое, к тому же глубокого заложения. Меру глубины Евгений хорошо почувствовал именно в

наклоне, где он как ответственное лицо держался в основном ниже опускаемой многотонной махины.

Для второго горного мастера СМУ-4, встреченного нами в коридорах БТП, в том эпизоде уже не было ничего волнующего. Как никак, Сергей Петрович Лёвин два десятка лет строит метро, к специфике своей профессии привык. Основную задачу монтажников видит в том, чтобы без малейшей задержки приступить к делу везде, где только предоставляется такая возможность. Помимо ВОМов, они смонтировали затвор, ведут водопровод по левому тоннелю, приступили к монтажу местной вентиляции в СТП. На очереди еще прокладка водопроводов и канализации, установка остальных вентиляторов и затворов. Перечень задач весьма внушительный.

По мнению Лёвина, квалификация монтажников вполне им соответствует, хотя времени на решение этих задач хотелось бы иметь побольше. В составе бригад есть молодёжь. Её обучают по принципу «делай, как я» такие асы монта-

жа как, например, Сергей Анатольевич Савин.

Метростроевский стаж Савина 19 лет, а до этого был Афганистан. На «Трубной» он в те дни прокладывал подплатформенный водопровод, двигаясь в сторону натяжной камеры. Только в самой камере еще не было должного порядка. Эту претензию, по словам Сергея Анатольевича, начальник участка Виктор Альфредович Борк уже высказывал, кому следует.

А состояние наибольшей строительной готовности мне тогда довелось увидеть в машинном зале СТП. Там девушка-маляр заканчивала покраску швеллеров, на которые в скором времени должны были встать трансформаторы и выпрямители.

Информацию об их количестве и назначении с ходу готов был дать оказавшийся поблизости прораб ЦЭМа Михаил Сергеевич Ашитко. Но куда больше заинтересовал сам факт появления в СТП представителя этой «финишной» организации. Узнав, что Михаил Сергеевич взаимодействует с метростроевцами со времени пуска «Чертановской», а это 1983 год, я спросил у него, как он оценивает наших монтажников.

— Я в основном имел дело с участием Александра Николаевича Нечаева, — ответил прораб. — И могу сказать, что приятно сотрудничать с настоящими профессионалами.

А по поводу нынешней ситуации на «Трубной» он высказался так:

— На «Строгино» готовность всё-таки повыше, хотя сдавать её надо к Новому году. Я считаю, что СТП — это сердце станции. И «шторм» надо всегда начинать отсюда.

Юрий ПЕТРУНИН.

Послесловие. По информации, полученной в ОЭМУ, к 15 июня в машинный зал СТП «Трубной» завезли все 12 трансформаторов. Оборудование для распредзала продолжает поступать. Специалистам ЦЭМа сейчас есть где развернуться.

Почетный строитель

5 июня ветерану СМУ-8 Леониду Степановичу Лобову исполнилось 75 лет. Пятьдесят из них он отдал Метрострою.

После окончания топографического техникума в 1952 году Леониду Степановичу предложили работу на строительстве метрополитена в нескольких городах страны. Но молодой специалист отказался. Ему хотелось осуществить свою романтическую мечту — побывать на Севере, куда он собирался выехать с гидрогеологической партией. Однако места для него не нашлось. И он отправился с топографическим полевым отрядом в Новосибирскую область, где работал три сезона.

Осенью 1954 года Леонида Лобова призвали в ряды Советской Армии. Служил в стройбате, и это дало возможность близко познакомиться с работой строителей и освоить профессию геодезиста.

Демобилизовавшись, в августе 1957 года Леонид Степанович вернулся до-

мой. Это было нелегкое для его семьи время: отец тяжело болел, мать вышла на пенсию. Нужно было оставаться в Москве и помогать родителям. Именно тогда он и вспомнил о Метрострое.

Его направили в СМУ-8. Коллектив вел щитовую проходку на Ленинских горах, на стройку требовались маркшейдеры. Новичка сразу же взяли под свое крыло опытные специалисты П.Ф. Пресман и И.В. Лебедев. У них Леонид Степанович и учился профессии.

Особенно запомнилась ему первая ночная смена. В забое работала бригада скоростников М.И. Бабичева. Задача маркшейдера — внимательно смотреть за продвижением щита. Лобов справился, никого не подвел. И это, естественно, придало уверенности. Начальник участка Н.А. Филатов, который строго следил за проходкой, претензий к Лобову не имел. Бывали случаи, когда одновременно работали три щита. И надо

Леонид Лобов — студент топографического техникума. 1951–1952 годы.

было каждый вести по заданному курсу.

Вспоминая прошлое, Леонид Степанович, прежде всего, говорит о людях: — Бригадир М.И. Бабичев, М.В. Теренин, В.И. Голубев, И.С. Трушев, А.В. Свиридов, Ф.Б. Агуреев, Л.П. Дубодель... Это были боги, настоящие мастера проходки.

Перегон между станциями «Университет» и «Ленинские горы», где велись работы в неустойчивых породах, требовал высочайшей квалификации метростроителей. Для Лобова этот участок трассы стал серьезной школой. Здесь Леонид Степанович многое узнал и многому научился. Потом все с той же бригадой Бабичева Лобов соорудил ветку в депо от станции «Краснопресненская», где произошел прорыв воды, в ликвидации которого он участвовал. Затем перешел на «Фили», где трудился под руководством начальника участка Е.А. Черненко. А это уже — открытый способ работ. Строил переход под проспектом Калинина.

В 1961 году Леонид Степанович поступил на вечернее отделение Горного института, окончив его, стал начальником смены на станции «Площадь Ильича». Рядом с ним трудились маркшейдеры П.Ф. Пресман, Н.Е. Бывалевич, Н.П. Суворов, Н.С. Филиппов.

— С большим уважением относился к этим людям, — говорит Леонид Степанович. — Очень разные по характеру, но их объединяли такие качества, как порядочность и трудолюбие.

На строительстве вестибюля «Тургеневской» Лобов работал на участке Ю.П. Рахманинова, на ЦПУ — В.С. Усенко. На «Чертановской» он уже сам возглавлял участок. Станция была построена Лобовым от начала и до конца.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Счастливая семья Лобовых. 1960-е годы.

Сюда же, в 1976 году, пришел молодой специалист Н.А. Сорокин. По словам Леонида Степановича, с первых дней показал себя толковым инженером, который вникал во все тонкости строительства. И неудивительно, что через шесть лет Сорокин возглавил участок, а потом стал директором СМУ-8.

За строительство «Чертановской» Леонид Степанович Лобов награжден орденом «Дружбы народов».

Все его метростроевские объекты перечислить невозможно. Осваивал строительную площадку на «Цветном бульваре», соорудил вестибюль и наклонный ход на «Римской»... Немало было и городскихстроек, что тоже не осталось незамеченным. Лобов — Почетный строитель города Москвы.

В 1995 году, после операции, Леонид Степанович перешел в маркшейдерский отдел. Трудился до января этого года под руководством Михаила Владимировича Малмыги, которого знает еще с Калининской линии, когда тот

был сменным маркшейдером. Высказывания друг о друге — только благоприятные.

Вообще, к Леониду Степановичу в коллективе относятся по-доброму. И отмечая его высокий профессионализм, неизменно говорят о том, что это — отзывчивый, чуткий, неравнодушный человек. Никогда не откажет в помощи и поддержке. Большую работу он проводит в совете ветеранов СМУ.

У Леонида Степановича замечательная семья — жена, дочь Ольга. Кстати, его супруга, Раиса Николаевна, тридцать два года работала маркшейдером в СМУ-6. Для него она хороший верный друг, заботливая хозяйка.

Коллектив СМУ-8 от души желает юбиляру крепкого здоровья, счастья, прекрасного настроения. А главное — долгих лет жизни.

Оксана и Александр КЛЮЧНИКОВЫ.

Уходили на войну мальчишки...

Феликс Авнерович Ачильдиев, ветеран Тоннельного отряда № 6, путеец, с давних пор — активный автор «Метростроевца».

На страницах газеты печатались его стихи, заметки, статьи.

Сегодня мы публикуем рассказ «Уходили на войну мальчишки».

Это подлинная история жизни ребят, на детство и юность которых выпало страшное испытание — война.

Феликс Ачильдиев ушел служить в сорок четвертом. Прямого участия в боевых действиях матрос-балтиец не принимал.

Вместе с товарищами очищал Финский залив от мин.

Из сослуживцев Ачильдиева каждый десятый домой не вернулся.

Я вспоминаю свой узкий переулок, сбегающий двумя рядами домов от Сретенки к Трубинской улице, и церковь на углу, где Сретенку пересекает Бульварное кольцо.

В ней давно уже музей, но я помню, как в начале тридцатых годов там шла служба, и мальчишки мы бегали смотреть на важно вышагивающего в золоченой ризе попа, вдыхали запах курившегося ладана и слушали голоса певчих, то звонко, протяжно, то низко, басисто славивших Бога.

Мы чувствовали в груди какой-то трепет. Зная, наверное, что Бога нет, бочком выходили из церкви, так и не созорничав, а, выйдя за ограду, турьбой бежали в свой двор.

Двор был зажат между ветхими дровяными сараями, привалившимися к старой кирпичной стене забора, и нашим четырехэтажным домом. Тогда он казался огромным. Кирпичи в его стенах были выложены ровными рядами, швы мастерски расшиты, а окна глядели стеклами на солнце и отражали лучи яркими бликами. Двор, вымощенный серым и розовым бульжином, быстро нагревался. К вечеру отшлифованные ногами камни щедро отдавали нам солнечное тепло.

Этим летом я приезжал в гости к матери и зашел туда. Кроме двух маленьких мальчишек, рисующих мелом на асфальте, да кота, никого не видел. Двор был таким же, если не считать, что снесли сарай. Я сел на теплую каменную тумбу на углу подворотни и все, что было много лет назад, нахлынуло и наполнило меня всего воспоминаниями.

...Воскресенье июня. Занятия в школе окончились. Мы сдали экзамены, и потому что уже некуда было спешить, двор был полон голосами.

У подъезда черного хода на табуретке сидит длинноногая, белокурая Люся. Голова чуть склонилась на плечо. Подставляя лицо утреннему солнцу, она слушает высокого стройного юношу в форме артиллерийского спецучилища. Курсанта звали Мишей. Жил он на первом этаже с отцом и старшим братом Аркадием. Отец, человек очень пожилой, явно не справлялся с воспитанием сына. Боясь, как бы неумная энергия, богатая фантазия и отсутствие внутренней дисциплины не увели его по скользкому пути, как некоторых дворовых мальчишек, которые азартно охотились на крыс около помойных ящиков, умудрились ездить без билетов на всех видах городского транспорта, прогуливали уроки, играли в расхибалку на деньги, отдал сына в военное училище.

Два Мишиных ровесника: Юра с пухлыми губами, мягкими белыми руками, веснушчатым носом и рыхлой фигурой, прозванный Бегемотиком или сокращенно «Бемом», и Вова, худенький, большеухий, с темными треугольными глазами, сидели на корточках, привалившись к нагретому цоколю дома, и с тенью легкого недоверия слушали его. Мы, мальчишки среднего возраста, держались обособленной кучкой в глубине двора. Среди нас был и наш признанный вожак Гошка — белобрысый, не по возрасту рослый и крепко сложенный, неистощимый на выдумки, от которых стонали жильцы нашего и всех окружающих домов.

Наша компания часто забивалась в какой-нибудь угол и обсуждала различные планы походов и проказ, спорила о футболе, о чемпионатах по боксу, о пограничнике Никите Карашопе и его верной собаке и о многом другом. И, конечно, никто бы из нас не признался, что завидовал Мишке и его военной форме.

— Ну и заливает, — сказал Гошка, искоса поглядывая на Михаила. — Ни разу не запнется, а ведь точно врет что-нибудь.

— Слышь-ка, — обратился он ко мне, — подойди поближе, послушай, а в случае чего вставь ему шпильку, чтобы он поперхнулся.

Я потихоньку стал подходить к группе старших ребят. В это время Михаил рассказывал, как их возили на полигон, и он сам стрелял из противотанковой пушки по макету танка.

Остановившись между Мишей и Люсей, я еле слышим голосом нараспев проговорил:

— О, верный рыцарь, еще один выстрел, и дама сердца подарит тебе свой шарф, а ты упадешь к ее ногам.

Миша сначала опешил от моей дерзости, но через мгновение закричал:

— Юрка, держи эту мелкую язву. Сейчас мы подсолим ей язык.

Юра вскокил и бросился за мной. Я нырнул в подъезд черного хода и помчался вверх по лестнице, шлепая растоптанными сандалиями по каменным ступенькам. Вход с черной лестницы в квартиры в нашем доме был сделан через кухню. Мишка забежал в кухню своей квартиры, схватил из солонки горсть соли и бросился догонять меня и Юрку.

Я бежал, не чувствуя под собой ног. Вот уже третий этаж. Еще два пролета лестницы, и я буду в спасительной кухне своей квартиры, а Юрка с Мишкой останутся с носом.

И тут я промахнулся, не попал ногой на очередную ступеньку.

Юрка хватает меня за рубашку, а подоспевший Мишка старается запихнуть горсть соли мне в рот. Я вырываюсь, верчу головой, и соль попадает мне в глаза.

Моряки-балтийцы в Петровском парке Кронштадта. Конец сороковых. Феликс Авнерович — первый справа.

Победный сорок пятый год. Феликсу Ачильдиеву — 18 лет.

за. От жуткой режущей боли я взревел так, что перепуганные ребята, перепрыгивая через три ступеньки, умчались вниз по лестнице.

Мать тащила меня в ванную комнату через всю нашу густонаселенную квартиру. И по пути не в самых мягких выражениях пыталась выяснить, избавлю ли я ее когда-нибудь от своих скверных выходов. Я кричу, что больше не буду, и в тот момент я в этом совершенно уверен.

Она сует мою голову под водопроводный кран и велит тереть глаза к носу. Я долго держу лицо под холодной водой. Резкая боль постепенно утихает. Вытерев лицо, иду, в ожидании крепкой взбучки от отца, в комнату. Но почему-то меня никто не ругает. Мать сидит на кровати, обхватив ладонями голову и упираясь локтями в колени, а отец стоит у окна, попыхивая трубкой и прижимая табак пальцем. Знакомый, но какой-то необычный голос из репродуктора говорит и говорит... Я не мог себе представить, что с этого дня для ребят моего поколения кончается детство.

Через несколько дней отец уходил на фронт. В эту ночь я слышал сквозь сон, как плакала мать. Утром отец поцеловал всех нас, потом слегка хлопнул меня ладонью по плечу и сказал: «Ну, смотри, сынок...», как бы передавая мне полномочия. Он поднял с пола вешевой мешок и зашагал по скрипящему паркету коридора к выходу. Мама подняла на руки младшего брата, и мы пошли следом. На лестничной площадке отец сказал: «Не ходите за мной, не надо». Он шагнул по лестнице в своем темно-синем френче, галифе, хромовых сапогах и серой фуражке.

Мы не могли себе представить, что увидим его в последний раз. Он так часто уходил и всегда возвращался по этой лестнице.

Вот он прошел один, второй, третий лестничный марш и скрылся из виду. Вот уже хлопнула дверь в подъезде. А мать все стояла у перил, держа на руках младшего. Слезы катились у нее по щекам, а брат размазывал их своими ладош-

22 ИЮНЯ — ДЕНЬ ПАМЯТИ И СКОРБИ

ками. Средний шестилетний брат встал ногами на нижнюю перекладину перил и стал плеваться на нижнюю лестницу, стараясь попасть плевком в плевком. Я треснул его по затылку. Он заревел. Мать словно опомнилась, посмотрела на нас и сказала: «Ох, и дураки же, ничего не понимают».

Конечно, мы ничего не понимали. Понять легко и просто только то, что хорошо знаешь. А что мы могли тогда знать? Разве мы могли знать, что из маленького подъезда нашего дома назад с войны придут только трое, а выживет только один.

Разве мы думали, что те, кто начал войну детьми, окончат ее солдатами, что долгие четыре года будет безжалостно уносить жизни кровавая ее река.

Ровно через пять месяцев наш отец в первый день контрнаступления под Москвой поднимет свой батальон в атаку и погибнет на реке Нара, даже не оставив после себя могилы. А досрочно получивший звание младшего лейтенанта Мишка будет стоять со своей противотанковой батареей на танкоопасном направлении, и очередь крупнокалиберного пулемета расщепит его надвое.

Юрка, окончивший летную школу, целый год будет драться на своем истребителе, не имея ни одной царапины, получит два боевых ордена и сторит в самолете на Курской дуге.

В конце сорок пятого худенького Вовку привезут из госпиталя на автомашине. Истерзанное осколками тело, непослушное его воле, санитары перенесут в ту самую комнату и положат на ту самую кровать, где он в сорок втором году спал свою последнюю гражданскую ночь. Они перенесут его через порог, за который он шагнул тогда в свою короткую солдатскую жизнь.

Он откинется на подушку, и белоснежный пододеяльник укроет его ноги и грудь. Белый цвет его напомнит ему цвет снега, осыпающегося с бруствера окопа, покрывающего шапки и шинели солдат, приготовившихся к атаке.

Ракета огненной стрелой прорезает предраассветный небосвод. Сгребая свежий снег, Вовка выбрасывает свое тело из окопа и бежит, топя мягкими валенками, в свою первую и последнюю атаку. Огонь зажег в его теле страшную боль. В голове зазвенело. И время остановилось...

Мать положила руку на Вовкину голову:

— Ну вот, ты и дома, — сказала она.

Умирал Вовка в апреле 1951 года. Сознание не покидало его ни на минуту. Он перебирал пальцами листы тоненькой иллюстрированной им детской книжечки и думал, что это все, что успел он сделать за двадцать пять лет жизни на земле.

Он посмотрел на большое трехстворчатое окно, выходящее в наш тихий переулок, хотел что-то сказать, но глаза его закрылись, и голова чуть склонилась на грудь.

...С кладбища мы возвращались вдвоем с Гошкой. Говорить ни о чем не хотелось. Я перебирал в памяти ребят нашего дома. Из тех, кто ушел на фронт, остался только Гошка.

Мы встретились с ним летом сорок восьмого года. Я приехал с флота в очередной свой отпуск утренним ленинградским поездом. Быстро шагая, свернул в свой переулок и столкнулся с высоким широкоплечим парнем в солдатской гимнастерке. Мы вежливо извинились друг перед другом и замерли на месте.

Пять трудных лет разлуки сильно изменили нас. Мы выросли и возмужали. Но не узнать друг друга! Для этого нужно было бы ослепнуть. Обнимаясь, хлопывали друг друга по спине.

— Ты куда? — спросил я.

— На работу.

— Где работаешь?

— На электроламповом.

— Подожди, я только мешок дома брошу.

Я проводил Гошку до метро, а вечером мы сидели у меня и вспоминали ребят нашего двора.

Мама пришла с работы и зажгла в комнате свет. И я увидел на Гошкиной гимнастерке повыше правого кармана две тоненькие полоски: одну желтую,

другую красную. Они означали, что Гошка был ранен — один раз легко и другой тяжело. Начал он летом сорок третьего в должности подносчика снарядов 76-миллиметровой противотанковой пушки, а в апреле сорок пятого вкатил свою пушку на берлинскую улицу.

Она катилась на резиновых шинах, с разгону перескакивая через брошенные противогазы, стреляные гильзы, разбитые приклады автоматов, выбитые из окон рамы, и звонко хрустела по оконному стеклу. На мгновения останавливаясь, Гошка припадал к прицелу орудия и ударял по амбразурам фашистских пулеметных гнезд. Дым пожара застилал улицу, автоматчики жались к стенам домов, пушка подпрыгивала, и пулемет застреливал улицу вдоль.

— Снаряд! — кричал Гошка, подводя перекрестье прицела под очередную, изрыгающий смерть пулемет. Лязгал затвор, пушка подпрыгивала, и пулемет замолчал.

— Вперед! — скомандовал Гошка, и пушка выкатилась на очередную перекресток.

— Сержант, смотри налево, — крикнул автоматчик, и Гошка увидел, что выстроенная поперек улицы баррикада непрерывно поливает их огнем.

Пушка откатилась назад.

— У, сто чертв твои в бик, — со злостью ругнулся заряжающий.

— Слушай меня внимательно, — сказал Гошка. — Дослать снаряд в пушку здесь. По моей команде выкатываем ее так, чтобы расчет был укрыт углом дома, разворачиваем ствол к баррикаде. Я быстро наведу, а вы после выстрела сразу же зарядите новый снаряд. И так до тех пор, пока не замолчит.

После четвертого выстрела от удара в плечо Гошка упал навзничь. В ушах стучал маленький молоточек, а во рту побежали мурашки. Левая рука перестала слушаться, гимнастерка на плече потемнела от крови...

Почти год он пролежал в госпитале. Плечо резали, сшивали, опять резали. Потом долго лечили массажем и гимнастикой — рука начала двигаться.

Летом сорок восьмого Гоша весело шагал по улице, позвякивая медалями, и орден Красной Звезды высвечивал вишневым эмалью. Он свернул в наш переулок. Вот и подъезд дома.

У подъезда — старенький дворник дядя Ваня в сером брезентовом фартуке с метлой в руках. «Как до войны», — отметил Гоша. Он поздоровался, хлопнул входной дверью и быстро побежал вверх по лестнице. На площадке второго этажа остановился, чтобы пропустить женщину с мужжиной. Поравнявшись с Гошкой, женщина остановилась, пристально посмотрела на него и сказала: «Здравствуй, Гоша. Домой?» — и слезы закапали у нее из глаз, а дрожжащие губы произнесли: «А вот Юра...»

Юрин отец потрогал пальцами пенсне, сказал тихо, только для нее: «Не плачь, Нина... Ну, пошли, пошли...»

Они двинулись дальше, но горькое чувство комком подкатило к Гошкиному горлу. Дальше он пошел медленно, трогая пальцами блестящие деревянные перила, останавливаясь у дверей квартир, окидывая беглым взглядом списки жильцов, висящие около кнопки звонков. Было много новых фамилий людей, которые поселились в опустевших комнатах, а многих знакомых — не было.

Но ведь очень давно и совсем недавно они шагали по этим лестничным маршам, шутили, смеялись, любили, мечтали о будущем. Они остались в памяти его и оставшихся в живых товарищей, в памяти пославшего их на войну родного дома.

...Вдоль дорог, на возвышенностях, на площадях городов России и Европы стоят постаменты с танками, самолетами, пушками — памятники того страшно тяжелого, но героического времени. Люди часто приносят туда цветы.

А в таких московских переулках стоят сотни старых домов, в которых по-прежнему живут люди, а во дворах наши внуки рисуют мелом на асфальте.

Феликс АЧИЛЬДИЕВ.
1980 год.

Сорок три подземных года

Михаил Дмитриевич Дрожжин, ветеран Тоннельного отряда № 6, из поколения мальчишек военной поры. В сорок первом ему было четырнадцать лет. Только что окончил школу и поступил в 27-е ремесленное училище, чтобы получить специальности сантехника и жестянщика. Но война многое поменяла в планах.

Их большая семья из восемнадцати человек одного за другим проводила мужчин на фронт: ушли старшие братья, мужья сестер. И тогда, когда Миша Дрожжин гасил зажигалки на крышах московских домов, его братья мужественно сражались на подступах к столице. Уже в сорок первом семья получила две похоронки: погибли Василий и Григорий — летчик и пехотинец.

—А Георгий был танкистом. Помню, как в феврале сорок второго он приехал на три дня в Москву, на автозавод за танками, — вспоминает Михаил Дмитриевич. — Три ночи переночевал дома. А потом — обратно, в часть. Через неделю пришло извещение. Брат погиб в танковой разведке. Если бы можно было, я бы тог-

да же пошел на фронт. Мы, пацаны, были настроены героически. Хотели воевать. Но, как младший в семье, я ухаживал за матерью и ждал своего семнадцатилетия. Наконец, в сорок четвертом, узнав, что идет призыв на флот, побежал в военкомат. По росту сантиметра не хватало, да и мать-инвалид... Преподаватель русского языка и литературы, участник финской войны, отговаривал: «Миш, тебе нельзя». А я: «Все равно уйду. В другом военкомате буду добиваться. Все друзья идут, флот для меня — давняя мечта». Вот так и попал в Кронштадт — на семь лет.

В октябре сорок четвертого новобранцы прибыли на место. Несколько месяцев Михаил Дрожжин и его товарищи проходили подготовку в учебном отряде, а потом всех распределили по кораблям. Михаил попал на крейсер «Киров».

—В военных действиях мы уже не участвовали, — рассказывает Дрожжин. — Крейсер «Киров» стоял у стенки. Такая громадина! 192 метра длиной. А кругом все заминировано. Когда фарватер от мин очистили, между Кронштадтом и мысом Серая Лошадь стали проводиться боевые учения по бомбометанию, стрельбам. Казалось бы, все протренировано. Но «Киров» не повезло. Подорвался. Пятнадцать человек погибли. Из строя вышли радиостанция, электростанция. Ток давали только запасные дизельные генераторы, которыми как раз я и командовал. Это случилось 13 октября сорок пятого года, в 13 часов дня. Штабной корабль, который шел мимо, так и не отреагировал на наши сигналы. С большой скоростью ушел в сторону. Потом уже, к ночи, появился финский корабль, который мы выстрелами заставили подойти, и уже с него отправили радиогамму. На помощь к нам пришли три эсминца и буксир-водолей. Когда «Киров» притащили на большой рейд в пяти километрах от Кронштадта, случилась непредвиденная ситуация: водолей перевернулся и за пять минут на глазах у всех

утонул. Ну ладно, мы подорвались. А тут в безобидной ситуации погибли восемь человек. И это уже после войны!

Осенью сорок шестого нашу эскадру перебросили в Лиенау. Меня перевели на подлодку — 309-ю, гвардейскую, на которой я служил несколько месяцев. Демобилизовался в 1951 году из города Балтийска.

Сначала Михаил Дмитриевич устроился токарем на завод «Динамо», потом несколько месяцев ездил на Дальний Восток в вагоне-ресторане. Но разве это дело для бравого моряка! Узнав о комсомольской мобилизации на Метрострой, он тут же решил действовать. Попал на строительство № 100, к Василию Дементьевичу Полежаеву. Сначала был проходчиком, работал на закрытом объекте у Зарядья. Но что такое проходчик? Работа казалась однообразной. Ведь он на флоте был механиком. Вот и перешел дежурным электрослесарем. По вечерам учился в техникуме транспортного строительства, который окончил с отличием.

В 1959 году Михаил Дмитриевич отправился в командировку в Афганистан — вместе со своим начальником участка Виктором Васильевичем Сидорцевым. Начали на Северном портале, потом их перебросили на Южный. Тут уже Дрожжин работал механиком. В 1962 году вернулся в Москву. И побежали вперед его стройки, на которых рука об руку трудился с начальниками участков Першиным, Дурглишвили, Жоховым... В общей сложности Дрожжин построил много перегонов, станций: «Фрунзенскую», «Кунцевскую»... Последняя была «Перово». И все они ему дороги. Сорок семь лет на Метрострое. Сорок три из них — подземных. В последние годы он был и диспетчером, и сторожем. На любую должность соглашался, лишь бы работать. Но наступил 1998 год — ни финансирования, ни объектов. Пришлось Михаилу Дмитриевичу поневоле уйти на заслуженный отдых.

Фото А. ПОПОВА

СТРОИТЕЛИ СТОЛИЧНОГО МЕТРО

—Тоннельный отряд для меня — всё! Здесь и профессию интересную приобрел, и квартиру получил, и жену нашел.

Супруга Михаила Дмитриевича, Мария Леонтьевна Данковцева, кавалер двух орденов «Знак Почета». С 1948 года она трудилась в ТО-6 машинистом щита, руки эректора. Они поженились в 1964 году, прожили вместе тридцать пять лет, до 1999 года... Когда оба вышли на пенсию, на пятнадцати сотках в Медыни занялись сельским хозяйством.

—Вместе с супругой подвели фундамент под дом, — говорит Михаил Дмитриевич. — Правда, сам дом я не строил, только терраску. Сейчас ездю туда, ради того, чтобы двигаться. Если лежать, добра не будет.

И в этом Михаил Дмитриевич, конечно же, прав. Он и в молодости никогда не сидел, занимался боксом, легкой атлетикой, лыжами. И сейчас, в свои восемьдесят, которые отметил 27 мая, тем более стремится к тому, чтобы быть в форме, потому что главное юбилейное пожелание себе — жить! И быть в тонусе. И тут, между прочим, не последнюю

Ветераны ТО-6: Иван Власович Павлов, Михаил Дмитриевич Дрожжин и Александр Архипович Новожилов.

роль играет свойственное ему чувство юмора:

—Уже ни руки, ни ноги, ни мозги, ни глаза как положено не работают. Глухой, слепой, кривой, горбатый — всё вместе! — смеется Михаил Дмитриевич. (Лукавит, конечно!) — Что взять с человека, который сорок три года под землей проработал? Одни хронические заболевания! В медсанчасти мне сразу инвалидность дали. (Вот это уже серьезно!) Десять лет на подземке — пенсия положена. А тут четыре с лишним срока.

По совете бы и пенсию надо платить в четыре раза больше. Но... У Михаила Дмитриевича и квартира малогабаритная. Проживает в ней с дочерью Ольгой и Юлей, их мужьями, внуками — Лилей и Кириллом. Однако не унывает.

—Не за ордена работали, не за награды. Просто без шахты своей жизни не представляли.

Нина СОЛОВЬЕВА.

Поэзии чары постигла и я...

6 июня во всех уголках нашей страны отмечали 208 лет со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Но сегодня наш рассказ о его современнице, поэтессе Е.П. Ростопчиной.

Требовательный к себе и другим литераторам, А.С. Пушкин высказывал весьма нелицеприятное суждение о поэтических способностях женщин. «Исключения, — говорил он, — редки». Одним из таких «редких исключений» является Евдокия Петровна Ростопчина, которая дружила и с Пушкиным, и с Лермонтовым, и с Тютчевым, и о которой издатель «Современника» П.А. Плетнев после смерти А.С. Пушкина сказал: «Она без сомнения первый поэт теперь на Руси».

Евдокия Петровна Ростопчина (в девичестве Сушкова) родилась в Москве, на Чистых прудах в 1811 году. Мать умерла рано, отец был в постоянных разъездах. Девочка жила у бабушки и дедушки Пашковых. Была на редкость любознательной, перечитала немало книг, самостоятельно выучила английский и итальянский языки. К двенадцати годам она тайно начала сочинять стихи. Однако эта тайна скоро открылась. И старшие не женским делом — пишет стишки, а то, как некую забаву, заставляли декламировать их гостям.

В 1829 году на балу у князя Голицына подающая надежды поэтесса познакомилась с Пушкиным. Он провел с ней большую часть вечера. Впоследствии она писала:

*Ему рассказала молва городская,
Что, душу небесною пищей питая,
Поэзии чары постигла и я...*

«Талисман» — первое стихотворение Ростопчиной. Вяземский переписал его из ее тетради и отправил в Петербург Дельвиу. А тот поместил его в своем альманахе «Северные цветы».

Два стихотворения Ростопчина посвятила декабристам:

*Когда настанет день паденья
для тирана,
Свободы светлый день, день мести
роковой...*

По сменности они не уступали пуш-

кинским «Во глубине сибирских руд» и грядущим лермонтовским «Погиб поэт, невольник чести...»

Осенью 1836 года Ростопчина появилась в Петербурге. Она стала желанным гостем в литературных салонах — у Одоевского, Жуковского, в семье Карамзиных... На ее вечерах бывали Жуковский, Пушкин, Гоголь, Соллогуб, Александр Тургенев, у нее играли братья Виельгорские, Ференц Лист. Пушкин в последний раз был у Ростопчиной за день до дуэли. За обедом он несколько раз выходил из-за стола «мочить себе голову, до того она у него горела», — вспоминал муж поэтессы, граф А.Ф. Ростопчин.

После трагической гибели А.С. Пушкина Жуковский передал Ростопчиной бесценный подарок, черную тетрадь поэта: «Посылаю вам, графиня, на память книгу... Она принадлежала Пушкину, он приготовил ее для новых своих стихов... Вы дополните и докончите эту книгу его. Она теперь достигла настоящего своего назначения». Ростопчина вклеила это письмо Жуковского в тетрадь и сделала запись: «Память Василия Андреевича Жуковского соединяется с воспоминаниями о Пушкине как в этой книге, принадлежавшей им обоим, так и в душе моей, исполненной благоговения к первому и удивления к другому. Если по слабому дарованию я недостойна их наследия, то, по крайней мере, могу чувствовать и понимать всю ценность его!»

Евдокия Петровна Ростопчина

*И мне, и мне сей дар! — мне, слабой,
недостойной,
Мой сердца духовник пришел его
вручить,
Мне песню робкою, неопытной,
нестройной
Стих чудный Пушкина велел он
заменить!..*

Через свою кузину Ростопчина познакомилась с Лермонтовым и часто видела с ним в Москве и летом — в Середникове. Отсюда и стихи поэта «Додо» (так называли Евдокию Ростопчину близкие), написанные в 1831 году.

Когда Михаил Юрьевич Лермонтов приехал в отпуск в Петербург незадолго до своей смерти, в 1841 году, он часто встречался с Ростопчиной на разных вечерах, у нее в доме, у Карамзиных. Для него она, прежде всего, поэт, единомышленница. Они читают друг другу свои стихи.

«Отпуск его подходил к концу, — вспоминала Евдокия Петровна, — Лермонтову очень не хотелось ехать. У него были дурные предчувствия. Наконец, около апреля или начала мая мы собрались на прощальный ужин, чтобы пожелать ему доброго пути... Я одна из последних пожалала ему руку... Лермонтов только и говорил об ожидавшей его ско-

рой смерти. Я заставляла его молчать и стала смеяться над его, казавшимися пустыми, предчувствиями, но они поневоле на меня влияли и сжимали сердце».

При расставании Лермонтов вручил Ростопчиной альбом для стихов, куда вписал посвящение, начинающееся словами: «Я верю: под одной звездой мы с вами были рождены...» А Ростопчина незадолго до отъезда Михаила Юрьевича посвятила ему стихотворение «На дороге!», которое вошло в сборник ее стихов:

*И минет срок его изгнания,
И он вернется невредим!*

Когда сборник вышел, Лермонтов уже был в дороге. Экземпляр с дарственной надписью Ростопчина передала бабушке поэта Е.А. Арсеньевой. «Напрасно вы мне не прислали книгу графини Ростопчиной, пожалуйста, тотчас по получении моего письма пришлите мне ее сюда, в Пятигорск», — писал Лермонтов бабушке 28 июня 1841 года, за полмесяца до гибели.

Отзывы на вышедший сборник были самые благоприятные, хотя некоторые критики и отмечали именно женский характер поэзии Ростопчиной:

*Я женщица!... во мне и мысль,
и вдохновенье
Смирной скромностью быть
скованы должны.*

Весной 1845 года супруги Ростопчины уехали за границу, два года путешествовали по Польше, Германии, Франции, Италии. Но и тогда она не переставала писать стихи. Возвратившись в Москву, в свой дом на Садовой, Ростопчина стала собирать у себя литераторов. К ней приходил Погодин, которому она отдавала свои стихи, и тот печатал их в журнале «Москвитянин». У нее бывали молодой драматург Островский, которым она восхищалась и который именно у нее познакомился с Л.Н. Толстым, Гоголь, которого она считала «своим

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

другом, собратом, учителем», литераторы Загоскин, Полонский, Писемский, артисты Шепкин и Самарин... Во время своих гастролей в Москве к ней заезжали Полина Виардо, балерина Фанни Эльслер. В декабре 1849-го Ростопчина познакомилась с друзьями со своей пьесой-драмой «Нелюдимка». Пьеса понравилась. Слушатели заметили, что главной героине Ростопчина придала свои черты. У Евдокии Петровны в молодости была какая-то, оставшаяся для всех тайной, трагическая любовь. «Нелюдимка» опубликована в «Москвитянине».

В Москве Ростопчина работала напряженно, писала романы, поэмы...

В апреле 1858 года Ростопчину навещал Тютчев. 47-летнюю графиню он нашел «слабеющей и угасающей». Но именно в этот период ей пришлось пережить еще одно яркое событие. В Москву приехал Александр Дюма. По его просьбе Ростопчина написала воспоминания о Лермонтове и перевела на французский язык стихотворение Пушкина «Во глубине сибирских руд...» Она отравила Дюма пакет с этими материалами и запиской: «Когда вы получите мое письмо, я буду мертва или очень близка к смерти». Так и случилось. Дюма получил ее послание в конце декабря, путешествуя по Кавказу. Ростопчина скончалась в Москве, в своем доме на Басманной 7 декабря. В тот день, когда отпевали усопшую графиню, церковь святых апостолов Петра и Павла была переполнена. Тело ее предано земле на Пятницком кладбище. «Имя графини Ростопчиной перейдет к потомству, как одно из светлых явлений», — писал ее современник А.В. Дружинин.

Стихи, поэмы, романы — Евдокия Петровна оставила потомкам действительно богатое наследие. Читайте! Вы найдете у графини Ростопчиной много близкого для себя.

Иларион РЫБАКОВ.

Суздальские раритеты

(Окончание. Начало в № 20)

Второй и последний день туристической поездки сотрудников редакции «Метростроителя» и друзей газеты по Золотому кольцу был полностью посвящен Суздалью.

Этот уникальный город-музей, город-заповедник через 17 лет отметит свое тысячелетие. Железной дороги к нему за все века так и не подвели. Но благодаря отличному шоссе, проложенному по так называемому Ополью, мы от Владимира доехали до Суздаля меньше, чем за час. И почти сразу попали в царство русской сказки.

Когда-то из-за речки Каменки (это приток Нерли) башни суздальского кремля смотрели на Дмитриевский монастырь, которого давным-давно уже нет. На его место во второй половине XX века начали со всей Владимирской области свозить различные деревянные строения — жилые дома, церкви, ветряные мельницы, бани, амбары на сваях. Так под открытым небом образовался Музей деревянного зодчества и крестьянского быта. Ходишь по нему — как будто в гости к бабушке попал.

В избы можно заходить. Туристы гуськом через сени тянутся в горницу, где и печь, и полати, и бабий кут с кухонной утварью, и коник — мужская лавка, и семейный обеденный стол под божницей. Перед избыой сидит гуслиар, обутой в лапти. Рядом — молодуха в сарафане. Под рокотание струн она время от времени запевает песню, уносящую слушателей в седые незапамятные времена.

Церкви тоже открыты для посетителей. Экскурсоводы объясняют: эта — летняя, она просторнее, а эта — зимняя, ее в холодное время года отапливали, поэтому вширь особо не разгоняли.

А вот к колодезю вплотную подходить не рекомендуется. Он особый — его ворот снабжен огромным колесом, внутри которого ступали по планкам, чтобы придать ему вращение. Поэтому колодезь назывался ступальным. И доставали таким необычным способом, наверно, не бадью, а целую кадку с водой.

Многие сооружения, свезенные в музей, а также отдельные бытовые предметы вплоть до солонков и грешков украшены оригинальной резьбой. У наших предков был богатейший опыт использования дерева. Традиция сочетания прикладных и эстетических задач уходит корнями глубже, чем на тысячу лет, насчитанную Суздалью. Поэтому когда в городе стали возводить каменные храмы, восходящие к византийским образцам, в их декоративном убранстве все равно проявились приемы, свойственные здешнему деревянному зодчеству.

В Покровском монастыре.

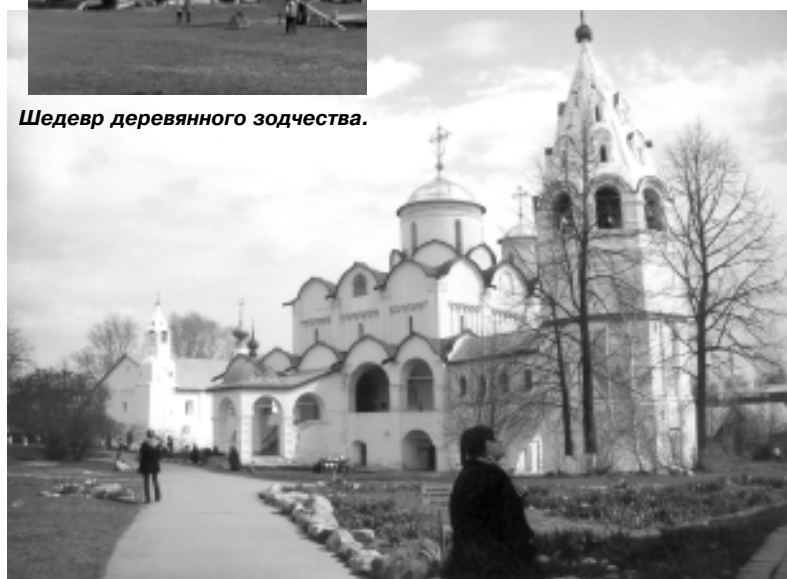
В пределах суздальского кремля, от оборонительных сооружений которого остались лишь затравенные земляные валы, самым заметным и известным культовым зданием является, конечно, величественный Рождественский собор, по которому можно и историю церковной архитектуры проследить.

Фундамент его относится к XI веку. Возведенный на нем из кирпичи-плинфы первоначальный храм простоял около 130 лет. При князе Георгии Всеволодовиче в 1225–1227 годах его разобрали и заменили новым, где плинфу дополнили белокаменной облицовкой, которую щедро украсили резьбой. Через два века с небольшим верхняя часть здания обрушилась. К счастью, уцелел декоративный пояс. В XVI веке стены собора довели до прежней высоты, правда, уже без резьбы, и увенчали их пятью главами вместо старых трех. Еще через двести лет шлемовидные купола уступили место «луковицам».

Из того, что можно в наше время увидеть внутри собора, ставшего музеем с 1931 года, наибольшее впечатление оставили два раритета — «золотые врата» и царь-фонарь. В отличие от владимирских, суздальские «врата» — это металлические створы, снятые с одной из внутренних арок, и просто прислоненные к стене. Семьсот лет они исправно открывались-закрывались. Так что могут и отдохнуть. Они изготовлены с

Шедевр деревянного зодчества.

помощью старинной технологии — огневого золочения по черной меди. Поверхность створов разделена на прямоугольные «тябла», где изображены библейские сюжеты. А фонарь напоминает металлический макет храма со слюдяными стенками. Туда перед началом крестного хода ставили пудовые свечи, и несколько человек (пожалуй, не меньше шести), взявшись за специальные ручки, выносили фонарь из собора.

Редким памятником гражданско-строительства экскурсоводы называют находящийся также в кремле архиерейский дом. Главная его достопримечательность — Крестовая палата. Это огромный зал для торжественных приемов площадью более 300 квадратных метров с бесстолпным сводом, вознесенным на девятиметровую высоту. Палата относится к петровской эпохе, и поэтому в ее интерьере уже сильно сказался западноевропейский стиль. По стенам развешены портреты царей и церковных иерархов, в двух углах стоят облицованные цветными изразцами печи. В палате одновременно могут находиться, не мешая друг другу, несколько туристских групп.

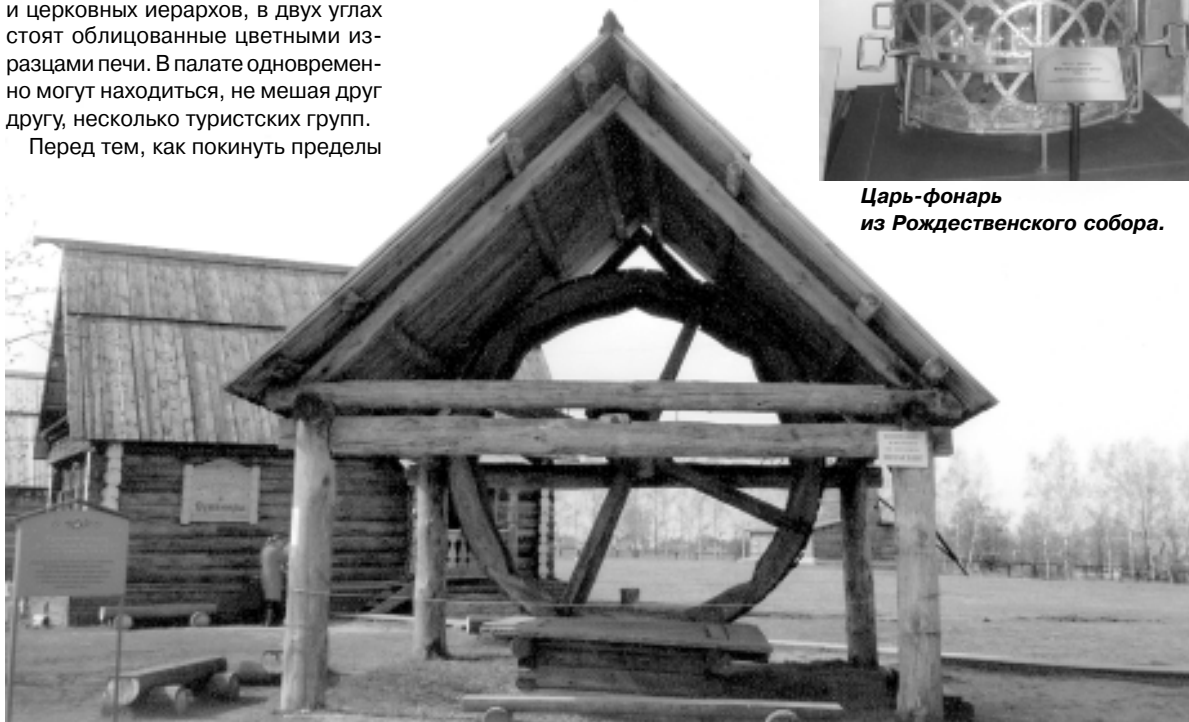
Перед тем, как покинуть пределы

кремля, мы задержались на соборной площади, чтобы послушать бой курантов, установленных на колокольне более трехсот лет назад. По свидетельствам современников они отбивали не только часы, но и минуты. Насколько их хватило, нам не рассказали, но известно, что куранты были восстановлены и снова запущены в 1967 году. На минуты они уже не реагируют, а четверть часа отметили коротким, но мелодичным звоном.

Из пяти дошедших до нашего времени суздальских монастырей (все-го их было 15) мы успели побывать в двух.

Покровский, как и все, своеобразен с точки зрения архитектуры. Его отличают надвратная трехглавая церковь, приказная изба (подобная есть только в московском музее-заповеднике «Коломенское»), как бы приподнятый над землей Покровский собор, построенный в начале XVI века. Но

Ступальный колодезь.

Царь-фонарь из Рождественского собора.

главная с точки зрения туристов достопримечательность монастыря — перечень знатных его затворниц. Сюда были сосланы: первая жена великого московского князя Василия III Соломония Сабурова, одна из жён Ивана Грозного Анна Васильчикова, первая и вторая жены его сына, царевича Ивана, — Евдокия Сабурова и Прасковья Соловая, дочь царя Бориса Годунова Ксения, первая жена Петра I Евдокия Лопухина. Неизвестно, распространялась ли на них система здешних наказаний — провинившихся в чем-то монахинь сажали в подвал приказной избы «на хлеб и квас». Но содержались здесь эти сосланные аристократки вплоть до кончины и хоронили их в подклете Покровского собора.

В течение некоторого времени за

Суздаль уверенно идёт к тысячелетию.

этим древними стенами размещался инвалидный дом. С недавних пор монастырь снова стал действующим, хотя его насельникам приходится делить территорию с музеем-заповедником. В заново отстроенных домиках-кельях размещаются гостиничные номера суздальского туристического комплекса. Трапезная переоборудована под ресторан.

Спасо-Евфимиев монастырь был мужским, он несколько моложе Покровского (основан в 1352 году), но намного крупнее. Общая длина его мощных стен достигает полутора километров, над ними возвышаются 12 башен, среди которых выделяется проездная. Её высота более 20 метров. При всей своей фортификационной монументальности эта башня щедро украшена резьбой по камню — «суздальским узорочьем».

За монастырскими неплохо сохранившимися стенами размещено несколько музейных экспозиций. Для добросовестного ознакомления с ними и целого дня бы не хватило. Мы пробывали там часа полтора. Причем, наш экскурсовод Елена Александровна Любарь так рассчитала время, чтобы у группы была возможность, постояв во дворе несколько минут, дожидаться традиционного колокольного «концерта». Его дают каждый час два звонаря. Сначала мы их видели, прогуливающимися по дорожкам монастырского двора, а потом их фигуры замелькали в арках звон-

Царь-фонарь из Рождественского собора.

ницы, пристроенной в XVI веке к ещё более старинной колокольне. Там подвешено 19 колоколов разных размеров, собранных из разных районов области. С их помощью звонари исполняют замечательную музыкальную композицию, которая поражает мощью и чистотой звука, такого же узорчатого, как здешняя архитектура. Вместе с нами, также подняв головы вверх, колокольный звон слушали до сотни туристов, в том числе и зарубежных. Удивительно, что высокие деревья, выросшие под защитой монастырских стен, держат на себе десятки гнёзд. Птицы, похоже, привыкли к громкому соседству.

Для нас в монастыре было заготовлено еще одно музыкальное «угощение». В главном его храме, Спа-

Окончание на стр. 6

Суздальские раритеты

Окончание, начало на стр. 5

со-Преображенском соборе, мы прослушали выступление небольшого мужского хора, исполнившего духовные песнопения. Там замечательная акустика и не нужно никаких микрофонов. Слаженные голоса легко заполняли своим звучанием немалый объем собора, способного вместить несколько сотен человек. Мы слушали певчих и одновременно разглядывали сочную роспись стен, выполненную в XVII веке художниками Гурием Никитиным и Силой Савиным. А желающие могли пройти в один из приделов собора, отведенный под сувенирную торговлю.

К сожалению, программой нашей экскурсии не было предусмотрено посещение выставок «Книжные сокровища шести столетий», «Золотая кладовая» и «Д.М. Пожарский – национальный герой России». Но достойно оформленной могиле одного

из двух вождей народного ополчения 1612 года каждый желающий мог там, на территории монастыря, поклониться. Кроме того, в сквере перед главным входом установлен выполненный в торжественном стиле памятник полководцу.

Знатный сподвижник Кузмы Минина был потомственным крупным землевладельцем. История рода князей Пожарских тесно переплелась в былых столетиях с монастырской. В «Золотой кладовой» поныне хранятся вклады самого Дмитрия Михайловича, его вдовы. Брат князя Василий значился среди иноков монастыря. А около 20 лет тому назад стал известен очень неожиданный факт — при реставрации одной из монастырских стен в ней были обнаружены белокаменные надгробия из семейной усыпальницы Пожарских и Хованских. Очевидно, их использовали как строительный материал. А

Стена Спасо-Евфимиевского монастыря.

Крестовая палата.

Здесь похоронен князь Дмитрий Пожарский.

Звонница

у Спасо-Преображенского собора.

возводили каменные стены в XVI веке монастырские крепостные, которых в распоряжении этой обители числилось до 10 тысяч душ.

При Екатерине II в Спасо-Евфимиевском монастыре устроили арестантское отделение, просуществовавшее до 1906 года. В нем томились и духовные, и светские лица, например, монах-прорицатель Авель, предсказавший судьбу династии Романовых, декабрист Фёдор Шаховской. В 1923 году новая власть решила использовать эти стены как политический изолятор для своих противников. В этом ряду оказались экономист Н.Д. Кондратьев, большевик-антисталинист М.Н. Рютин, историк В.И. Невский. С начала Великой Отечественной войны на монастырской территории действовал фильтрационный лагерь для наших солдат и офицеров, побывавших в немецком плену. А после победоносного завершения Сталинградской битвы их место заняли немцы, пленённые в междуречье Волги и Дона. Среди них был и фельдмаршал Ф. Паулюс. В период 1946–1967 годов бывший монастырь-изолятор лагерь приспособили под колонию для несовершеннолетних правонарушителей. Когда накануне закрытия колонии в Суздаль приехал Андрей Тарковский, некоторые сцены своего потрясающего «Андрея Рублёва» он снимал ещё перед многовековыми стенами, а не за ними.

Но уже начинался известный социологам «музейный взрыв» — резкий рост интереса к истории, отмеченный не только в нашей стране. В том же 1966 году, помимо съемочной группы Тарковского, Суздаль посетили 180 тысяч туристов. Через два года их число подскочило до 700 тысяч. Через десять лет музей-заповедник был удостоен Госпремии РСФСР за использование памятников архитектуры в культурно-воспитательных и туристических целях. В 80-е годы посещаемость приблизилась к двум миллионам.

А постоянное население уникального города насчитывает всего лишь 12 тысяч человек. Часть суздальцев, естественно, занята в музейном деле. Но и многие из остальных горожан, так или иначе, ориентированы на туристов. Рынки и рынки для продажи различных сувениров попадались нам на глаза перед каждым историческим объектом, перед каждой автостоянкой. Единицей измерения туристов давно стали «автобусы».

Нас предупреждали, что многие сувениры далеко не местного происхождения (матрешки, будённовки и т.п.), что медовуху и сбитень надо покупать только заводские. Самым бесспорным местным товаром экскурсовод Елена Александровна назвала... огурцы. Действительно, суздальский огурец — редкий по своим вкусовым качествам овощ. Можно сказать, что это ещё один раритет. Проезжая по городу, мы из окон автобуса видели парники и теплицы почти в каждом дворе. Почва здесь благодатная, к тому же за века накопился опыт выращивания и обработки огурцов. Например, солят их в выдолбленных тыквах. Продают и банками, и даже штучно.

Неудивительно, что с некоторых пор в суздальский календарь вошёл праздник Огурца. Его проводят в Музее деревянного зодчества.

Так и сочетаются в этом дивном месте старина и новь, город и село, явь и сказка.

Юрий ПЕТРУНИН.

Фото Ж. Газаровой, П. Калинина.

18 июня 2007 года после тяжёлой и продолжительной болезни на 71-м году жизни скончался

РАХМАНИНОВ Юрий Павлович

Свою трудовую деятельность он начал в 1960г. после окончания Тульского горного университета. С 1963 по 1980г.г. трудился на Московском метрострое, где прошёл путь от рядового инженера до начальника строительного управления № 8.

Под его руководством и при его личном участии построены станции Московского метрополитена «Китай-город», «Щукинская», «Бабушкинская», «Площадь Ильича», сложнейший подземный пересадочный узел между станциями «Площадь Революции», «Охотный ряд» и «Театральная» и многие другие объекты.

В 1980г. он был назначен начальником Управления №10А, а в 1986г. — начальником Главного управления по строительству тоннелей и метрополитенов Минтрансстроя СССР. С 1990г. он работал генеральным директором акционерного общества «Трансинжстрой».

Ю.П.Рахманинов много сделал для развития Московского метрополитена, для строительства тоннелей и метрополитенов в других городах и регионах России и бывшего Советского Союза, чем заслужил глубокое уважение многих людей, кому посчастливилось с ним работать.

Его труд по достоинству был оценен государством. Ему были присвоены высокие звания: Герой Социалистического труда, Заслуженный строитель СССР; он был награждён орденами «За заслуги перед Отечеством» II и III степени, многими другими орденами и медалями.

Мы знали Юрия Павловича как чуткого, отзывчивого и доброжелательного человека, надёжного друга и товарища.

Светлая память о нём навсегда сохранится в наших сердцах.

Выражаем искреннее соболезнование родным и близким покойного, коллективу ОАО «Трансинжстрой».

Группа товарищей.

Сильнейшие в настольном теннисе

Большой спортивный зал клуба АНО «Здоровье», находящегося в Измайлово, стал местом проведения командного первенства Мосметростроя по настольному теннису. Это четвёртый вид нашей традиционной спартакиады.

Встречи соперников проходили одновременно на большом количестве игровых столов и, тем не менее, более пяти часов потребовалось, чтобы в итоге острого, полного драматизма поединков, выявились сильнейшие мастера маленькой ракетки. Хороший летний подарок преподнесла коллективу СМУ-15 его команда в составе Асафа Курбанова, Александра Волженина и Виктора Соколова. Сначала она «расправилась» со своими соперниками по подгруппе, в которую входили спортсмены КСУМа, Метромаша, СМУ-4 и СМУ-13-II, и получила право играть в финальной четвёрке.

Помимо представителей СМУ-15 на этом этапе борьбу за призовые места вели теннисисты УММ, возглавляемые прошлогодним чемпионом Павлом Волковым и Эдуардом Эскалера-Поздняковым, а также технические и напористые спортсмены СМУ-3 и СМУ-13-I.

Как и ожидали знатоки, в решающем матче за игровыми столами

СПОРТ

сошлись команды СМУ-15 и УММ. Более часа длилось их бескомпромиссное спортивное сражение. В итоге почётный титул чемпионов Мосметростроя завоевали Асаф Курбанов и его товарищи, доказав тем самым, что и этот коллектив выходит на верный путь приобщения трудящихся к физкультуре и спорту. Команда УММ на этот раз оказалась второй.

Третье место досталось теннисистам СМУ-3, возглавляемым опытным и всесторонне подготовленным спортсменом Алексеем Поливачом.

Очень обнадеживающе выглядела игра молодой команды СМУ-13-I, в которой особенно выделялись своими потенциальными возможностями Максим Суслицин и Андрей Шумок. Они добились пятого места, уступив, кроме призеров, только команде СМУ-4. Замыкают таблицу спортсмены КСУМа и Метромаша.

Уверен, если бы в турнире участвовали такие коллективы как СМУ-9, ТО-6, Тоннель-2001, то борьба была бы ещё острее, а соревнования — более зрелищными.

После четырех видов спартакиады лидируют спортсмены СМУ-4, далее идут команды Метромаша и КСУМа.

Николай АКИМОВ,
председатель спортклуба
Мосметростроя.

УЧРЕДИТЕЛЬ — ОТКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
«МОСКОВСКИЙ МЕТРОСТРОЙ»

Газета зарегистрирована в Управлении Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Центральному федеральному округу. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС1-01803 от 28.04.05.

Редактор
Ф.А. БЛИНОВА

Адрес редакции:
127051, г. Москва,
Цветной бульвар, 17

Телефоны 783-59-19 (доб. 591,414)

E-mail: blinova@metrostroy.ru

Газета отпечатана в ГУП «ИПК «Московская правда»
(101990, Москва, Потаповский пер., д. 3).

Номер подписан в печать 19.06.2007 г.

Газета распространяется по подписке, индекс 24264

Тираж 2532

Заказ № 424